

Рассказ об акциях «Переходы» (КД) и «Цветные интервалы» (Сергея Ситара).

I. После акции, которую я запомнила для себя под названием Переходы, прошло больше недели. Это важный момент, потому что событий и занятий за это время у меня было так много, что моя и без того плохая память сейчас представляет собой палимпсест – на котором хоть и сохранилось множество фрагментов, но их напластования оказались перемешаны между собой. Так что этот мой рассказ скорее отчет об археологических раскопках, с догадками и допущениями.

Акция запомнилась рассказами Насти и неожиданно неприятным вкусом коньяка.

Просека Хайдеггера, любимое место, где Коля Панитков находил белые; где множество предметов закапывалось и множество выкапывалось, а на будто бельевой деревенской веревке между двумя деревьями вешивали портреты, портфель, рядом на дереве – Фармера и Льва Толстого в золоченой раме; где впервые кажется АМ начал проводить розыгрыши предметов по и-цзин (великолепного Толстого выиграл Ян Гинзбург); где сидели и слушали разные голоса из колонок; - его больше не существует уже несколько лет. Деревья все вырубili и проложили на этом месте не просто шоссе, а гигантский пучок многополосных дорог с эстакадами и размашистыми лепестковыми развязками.

Году в 2023, когда уже все было спилено и перерыто, лес превращен в неопрятный строительный пустырь, а дороги только-только насыпались, мы с АМ, МК, Оксаной и Ситаром чудом разыскали на этом пустыре пеньки от деревьев нашего старого места. Потом долгое время поездки на поле на машине были мучительными, развязки хоть и открыли, но вдоль шоссе стали строить гигантский глухой забор, отгораживая дачи Киова поля и запирая привычные проходы туда, тротуара не было,

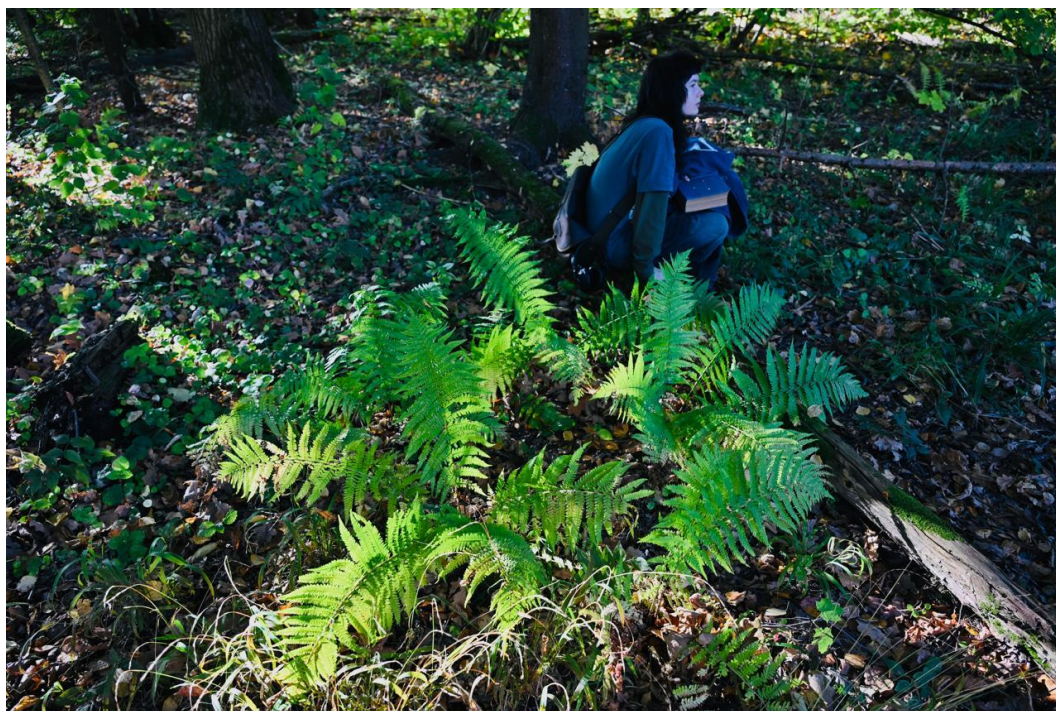
припарковаться было негде и чтобы оставить машину, приходилось проезжать по шоссе довольно далеко, а потом возвращаться обратно. Сохранилась фотография АМ того времени, на которой мы с Машей Константиновой пытаемся пройти по перерытой обочине шоссе так, чтобы нас не задела проносящиеся мимо грузовики, и, одновременно, пытаемся сохранить равновесие, петляя между канавами, кочками и набросанными комьями земли, идем растопырившись и максимально уплотнившись как крабы или паучихи. С тех пор я запомнила Киевогорское поле как гиблое теперь место. Еще год-полтора спустя, Макар Ушаков, посланный АМ на поле с «заданием», рассказал, что там появились пешеходные тоннели под эстакадами. АМ тут же захотел их исследовать. И вот, еще примерно через год акция Переходы.

Я была с новым фотоаппаратом, к которому еще не успела привыкнуть, поэтому больше всего беспокоилась о выставлении выдержки и диафрагмы так, чтобы на фотографиях видны были и подземная тьма, и яркое небо наземного мира; и лесная тень, и цвет солнечных бликов; ну и лица участников. Такая сосредоточенность на вещественном и техническом обычно полностью блокирует у меня вербальную коммуникацию с людьми, я не запоминаю ни слов, ни разговоров, и этот особый акционный режим вне слов и речи, проживания событий не в дискурсе, а через действия, телесные и мускульные ощущения – чрезвычайно мной любим и определяет мою рецепцию большинства акций КД.

Мы вышли из автобуса на остановке у шоссе, покрутились, прошли вперед и за плавным поворотом дороги увидели первый переход – квадратную бетонную конструкцию, рамирующую провал в черную пустоту. В андерграунде на входе обнаружились следы человеческого присутствия и жизни, граффити на стенах, но дальше со всех сторон нас окружил чистый гладкий серый бетон стен, пола и потолка – очень красиво. Мы прошли сквозь переход и после короткой остановки там для того, чтобы АМ начертил первую золотую линию на томике немецкого инженерного справочника,

вышли наверх в диковинное открытое пространство, которое не содержало в себе ничего, кроме света, пустоты и своих границ, невероятно чисто и четко проявленных. Впереди, в конце недлинной плиточной дорожки, на которую мы ступили из-под земли, виднелся парный, будто гантельный, предел этого куска пространства - бетонная конструкция второго подземного перехода, идентичного первому. По обе стороны дорожки тянулся ровный газон, засеянный травой, а границы этого странного гетеротопного пустого места, промежутка между переходами, обозначались сверху нависающей эстакадой, по бокам дорогами, а глухая ватная его тишина со всех сторон обрамлялась лязганьем и громоханием машин. Там АМ опять достал толстый томик немецкого инженера и прочертил на нем вторую золотую линию. Мы нырнули во второй переход, там на книге появилась третья золотая линия, вышли с другой стороны, и вот мы уже на знакомом отрезке шоссе, на пути к проходу на поле. На этом акция показалась мне законченной. Мы пошли по полю к «библиотеке КД», чудом сохранившемуся тайному месту закладки книг в лесу. Там АМ повесил на памятное дерево колонку с аудиокнигой Путешествие на Запад (хорошо мне знакомой и любимой, я прослушала ее целиком примерно за семь лет, включая плеер во время пробежек в Сокольниках и дальних дорог). Ситар достал привезенную саперную лопатку и стал расширять ямку, в которой когда-то был установлен штырь с железной черепахой, выкованной Леной Елагиной – центр «библиотеки», реальный ее каталог, через который можно отыскать путь к каждой книге, еще хранящейся в земле. Рядом с Ситаром лежали два пустых белых полотняных мешка, которые Сережа постепенно заполнял выкопанной землей. Это выглядело странно. Сами мешки не вписывались в эстетику КД, и я спросила АМ что делает Ситар. «Ему нужна земля для его акции», - сказал АМ. Аа, тогда понятно. По плану ведь намечалось две акции в этот день – КД «Переходы» и акция Ситара на поле (вторая подряд после его акции Рубинштейну в предыдущий наш приезд на поле).

Когда ямка была углублена, а мешочки наполнены, АМ достал телефон, чтобы запустить на нем автоматическое гадание по и-цзин и разыграть акционный объект, томик немецкого инженерного справочника с золотыми линиями переходов. Каждый из нас загадал число (я – 13, «родню»), и АМ запустил программку. Я выиграла, но едва мне был вручен томик, АМ стал спрашивать, не предпочту ли я оставить его в ямке, вместо того чтобы увезти домой. Я сказала, что подумаю, что вызвало у АМ приступ одновременно и беспокойства, и настойчивости. Он стал доказывать мне, что вопреки плану акции книжку нужно непременно оставить в лесу и неужели я этого «эстетически» не чувствую. Все начали смеяться, но АМ, хоть и признал, что я имею полное право унести приз домой, продолжал с беспокойством поглядывать на книжку в моих руках. Эта перепалка как-то выбросила меня из акции, и я не помню момента, когда мы перешли к заключительному действию: колонку надо было снять с дерева и поместить в вырытую Ситаром ямку на книжку – вроде бы только в том случае, если я решу ее оставить (или в любом случае на книжку, а потом колонку забрать, а книжку оставить или забрать по моему решению? – этого не вспомнить). К тому времени я точно решила, что книжку нужно оставить на поляне библиотеки, ее золотые линии и заклепки красиво рифмовались с кружками, обозначающими места акций на фотокарте поля и леса у АМ в комнате в Москве. Положили книгу, на нее колонку, где продолжался рассказ о путешествии Сунь-Укуна, Сюан-Цзяна, Чжу-Байдзе и ШаСэна за буддистскими книгами на Запад, и ушли на опушку леса на пикник. Спустя какое-то время мы с Юлей Овчинниковой вернулись за колонкой, а книжку оставили. Собрались и пошли на поле для акции Ситара.



Для меня эта акция КД встала в ряд «деятельных» - как любимые «На просвет» и «Поднятие деревень». Поэтому, наверное, я ее и запомнила для себя под названием Переходы (как процесс), а не Подземные переходы (как объекты). И поэтому она для меня «закончилась» с выходом из второго перехода к дороге на поле, вся упаковалась в чистое действие, проход сквозь «гантель» двух тоннелей и пустой плиточной дорожки между ними. Необычным показалось то, что Ситар включил выкопанную из ямки землю как элемент в свою акцию. Помимо прочего, это вроде бы должно означать, что он знал о содержании акции КД заранее (обычно не знает никто, кроме тех, кто ее готовит и помогает). Или он сообразил на месте, что может использовать землю из «каталога лесной библиотеки КД» в своей акции на поле? Но почему тогда у него оказались чистые белые мешочки с собой? Все это вопросы без ответов.

II. Акция Ситара началась тоже с розыгрыша. Растянувшись длинной цепочкой по полю, мы наконец все дошли до Ситара, который ушел с пикника первым и издали видно было как он

долго кружит как собака на распаханном и засеянном чем-то тонким поле, выбирая подходящее место. То ли из шапки, то ли из мешочка мы все вытянули себе маленькие песочные часы – все разных цветов, и, соответственно цветам – разной длительности, мне досталась 1 минута. Когда уже почти все получили себе часы и дело дошло до Насти, и за ней был только Ситар - он как-то потрясенно пробормотал: «неужели мне достанется самая короткая»? Но самый короткий, черный на 30 секунд столбик часов вытянула Настя, а Ситару, кажется, достались 5 минут, чему он явно обрадовался.

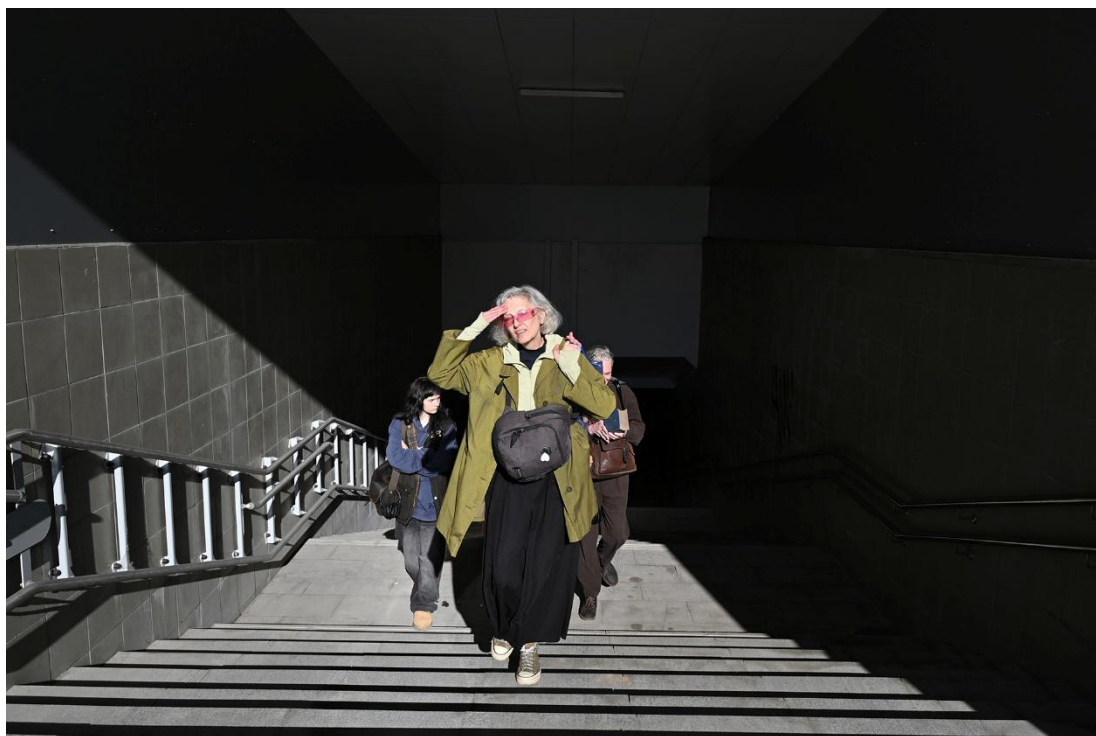
Сережа собрал нас в круг и стал объяснять что нужно делать – одновременно и путано, и ясно (что, как мне кажется, вообще свойственно Сережиному интеллектуальному обаянию). В этих указаниях меня больше всего зацепило, что Ситар сказал нам когда и что нам нужно думать. Это меня немного взбесило с самого начала. Так, следуя очередности песочных часов, начиная с самого длительного отрезка 10 минут, который, кажется, вытащил АМ (затем шли 7, 5, 3, 1 мин и 30 сек), мы все должны были замечать и запоминать события, фиксируемые умом во время просыпания песка, считать их, и потом говорить полученное число Сереже, который заносил эти цифры в таблицы для каждого участника. От повинности следовать приказу осознанности освобожден был только тот, кто сидел на рыбацком стульчике со своими песочными часами и ждал, когда просыпется песок. Часы для каждого нового участника устанавливались в щель между двумя белыми мешками с «библиотечной» землей и надо было внимательно следить за песчинками и объявить начало и конец процесса, а после окончания – сфотографировать часы, закрепленные между мешками. Эта странная конструкция явно была продумана. Когда я поставила часы как-то неконвенционально, Сережа тут же подошел, поправил их и сказал мне «вот как надо». Когда прошли все, Сережа и Оксана взяли мешочки с землей и рассеяли ее над полем (это второе событие акции, которое меня заставило поморщиться – получилось

слишком символично и довольно пафосно). На этом акция закончилась, и вернувшись к лесу, мы пошли длинной опушкой к выходу на шоссе к автобусной остановке. Две акции и пикник между ними, тоже своего рода гантель, заняли довольно много времени, и, кажется, в первый раз я увидела свет закатного солнца на поле. Моя последняя фотография дня – маленькие темные фигурки Насти и Оксаны на лесной тропинке, стоящие на границе темного уже леса и сверкающего золотом поля.

Акция Ситара называлась «Цветные интервалы», и я сразу подумала, что это наверное самое красивое название для акции, которое только можно придумать. Удивительно, что эта акция, несмотря на довольно жесткую свою структуру, нечеловеческую, «песчаную» темпоральность, бухгалтерскую ее фиксацию в таблице и диктаторское руководство Ситара, едва закончившись, застыла в памяти как невероятно легкое, тонкое и красивое событие, как эти золотые блики в темном лесу, нечто не придуманное и сконструированное, а замеченное и сущностное.

Позже, именно название акции заставило меня вспомнить свою недавнюю выставку «Букеты» у Корнея, где я выставила в прямом смысле слова «цветные интервалы» - свои живописные работы с метками длительности, по сути отрезки времени, счастливо мной проведенные в мастерской у ММ, замеренные мной по техническим данным фотоснимков каждого натюрморта после окончания работы над ним. Когда я придумывала выставку, стало понятно, что предмет экспозиции не живопись, а именно время, отрезки времени – точно зафиксированные часы, минуты и секунды, которые вдруг стали видимы в сцепке двух медиумов - живописи и фотографии - без всякого учета моей воли. Ситар на открытии выставки был как-то очевидно огорошен моими отсылками к нечеловеческому цифровому протоколу и постулируемому мной принципиальному отсутствию человека в нем, спорил со мной, язвил, и совершенно не мог со мной согласиться. Для меня же самым удивительным оказался эффект,

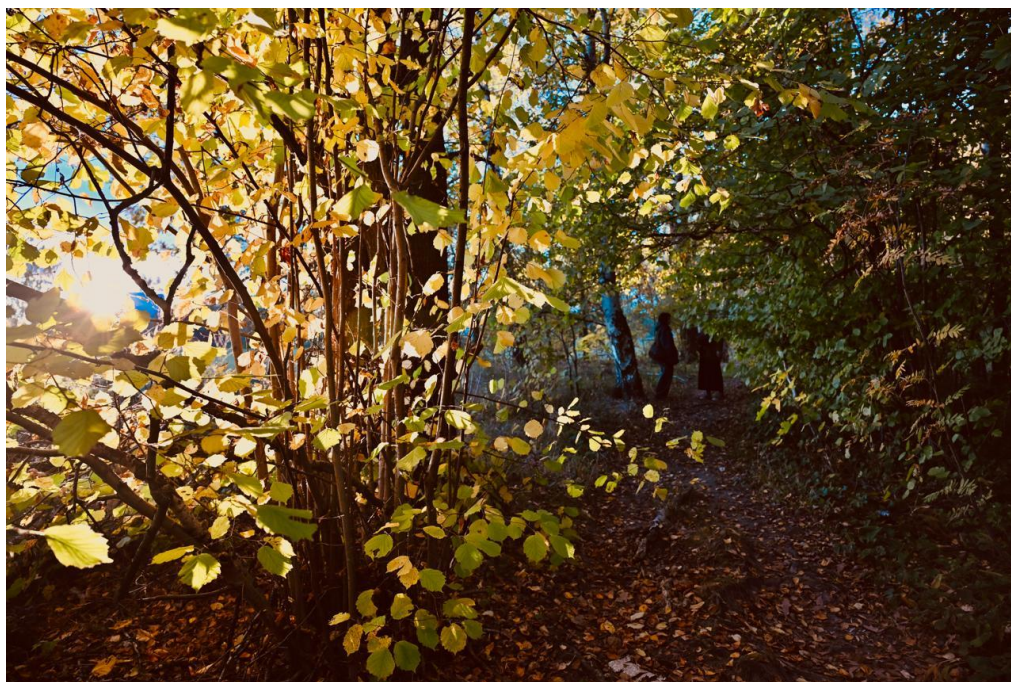
который я назвала «римским роботом»: взаимодействие медиумов живописи и фотографии (как кофеварки с холодильником), хоть и состоялось без учета меня и моей воли, но его результат – точное измерение счастливых событий моей жизни, оказался для меня экзистенциально значим (как написала Таня Н в фейсбуке: «там еще были этикетки с цифрами, я так поняла, что для Даши это важно»). Так что, возвращаясь к акции, я восприняла ее как романтический жест Ситара, его старание вставить человека в технику: через необязательные для работы песчаных часов цвета – красный (который удивительным образом совпал с цветом Оксаниных очков), синий (так же случайно совпавший с цветом моих очков), зеленый, желтый, черный; через указания «замечать события» пока сыпется песок часов. Но все это, как мне показалось, была отвлекающая мишура, которая быстро забылась и тогда сразу же и появился эффект акции как чудесного легкого события подлинности.



Фокус в том, что для меня лично экзистенциальным там было время не когда я замечала по указанию Ситара события, а когда я сидела на стульчике, смотрела как сыпется песок и ни о чем не думала. Этот момент освобождения от человеческой заботы думать

и замечать, просто пребывание как точка на середине поля, окруженная воздухом и светом – у меня по жребию продолжался только 1 минуту, у Ситара 5 минут, у АМ 10 минут, у Германа 7 минут, у Оксаны 3 минуты, у Насти – 30 секунд.

После этих двух акций я поняла, что АМ любит стихии, Сережа любит дискурс, а я люблю действия.



На фото: Настя у папоротника на поляне библиотеки КД слушает «Путешествие на Запад»; Оксана в розовых очках поднимается из подземного перехода; Закатный свет поля в лесу, последняя фотография дня.

Дарья Новгородова, 14 октября 2026 года.